

О соотношении понятий «отечество» и «государство» в «За рубежом» Салтыкова

Федотов Андрей Сергеевич

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В цикле очерков «За рубежом» Салтыкова есть эпизоды, правильная интерпретация которых невозможна без учета позиции автора в вопросе о соотношении понятий «государство» и «отечество». Совокупность высказываний Салтыкова по этой проблеме, актуализирующей чаще всего в связи с дипломатическими или военными переделами, еще не прокомментирована должным образом. Между тем только в «За рубежом» затрагиваются темы изменения границ Франции в результате франко-прусской войны [Салтыков XIV: 116, 142, 146, 152, 187], изменения границ России в результате русско-турецкой войны [Салтыков XIV: 187–188]. Центральной проблемой этих территориальных преобразований оказывается судьба населения аннексированных областей.

В частности, без понимания позиции Салтыкова в данном вопросе невозможна верная интерпретация фрагмента в описании поведения русского культурного человека за границей: «Сегодня, в Интерлакене, не сводит глаз с Юнгфрау, а завтра любуется люцернским раненым львом с надписью: *Helvetiorum virtuti ac fidei*, каковую надпись, в шутовском русском тоне, переводит: “Любезно-верным швейцарцам, спасавшим в 1790 году, за поденную плату, французское престол-отечество”» [Салтыков XIV: 42–43].

За комическим несоответствием перевода тексту надписи, очевидно, имеется некоторый идеологический подтекст. Ключ к прочтению эпизода обнаруживается в очерке «В дружеском кругу» из цикла «Благонамеренные речи», непосредственным поводом для которого был протест эльзасского депутата Тейтча в рейхстаге против отторжения Эльзаса и Лотарингии от Франции. Тейтч говорил, что любит свое отечество, которым считает не Германию и даже не отторгнутые ею провинции, а Францию [Салтыков XI: 419], и, таким образом, ставил под сомнение совпадение понятий «отечество» и «государство».

Герои-антагонисты «В дружеском кругу» Тебенков и Плешивцев в сущности сходятся во мнении, что точка зрения Тейтча крамольна [Салтыков XI: 430]. Такая позиция характерна для консервативной идеологии и выражена, например, в статьях В. Безобразова о парижской коммуне и франко-прусской войне. Автор считал действия коммунаров против версальского правительства изменой [Безобразов: 439], а «установленную власть» признавал истинной защитницей отечества [Безобразов: 444].

После того как оба героя «В дружеском кругу» составили проекты о введении «любви к отечеству», в газетах появляется речь Тейтча и выясняется, что у проекта Плешивцева нет шансов, так как он пользовался исключительно термином «отечество», сознательно игнорируя [Салтыков XI: 421] необходимость приравнять «отечество» к «государству». Рассказчик рискует, поддерживая Тейтча и применяя его логику для интерпретации российских реалий: «Но это ужасно! стало быть, если граница России идет до Эмбы, я должен любить ее до Эмбы? а ежели эта граница идет только до Урала, то я должен любить только до Урала? <...> Опомнись, душа моя! Ведь географические границы – дело наживное!» [Салтыков XI: 431]. Следование идеям Тейтча таит в себе опасность обвинения в измене [Салтыков XI: 425], ведь рассказчик сознательно развивает мысль, даже скрытый намек на которую в проекте Плешивцева делает его провальным.

Как показывает анализ текста «За рубежом», самой «благонамеренной» позицией в разобранном конфликте является подмена любви к отечеству любовью к властям [Салтыков XIV: 28, 11, 62, 140, 187–188]. В концентрированном виде эту позицию у Салтыкова представляет «бонапартист», под которым автор понимает «вообще всякого, кто смешивает выражение «отечество» с выражением «ваше превосходительство»» [Салтыков XIV: 11]. Механизм такого смешения и его необходимость раскрывается в

речи рассказчика на именинах купца Блохина [Салтыков XIV: 187–188]. Дело в том, что географические границы отечества и логические границы понятия «отечество» в сложившейся геополитической ситуации крайне неустойчивы. Начальство же заменяет собой отечество на том основании, что оно стабильнее, а «границы» его четче: от коллежского регистратора до действительного тайного советника включительно.

Швейцария названа в «За рубежом» страной «превратных толкований». Путешествие в Швейцарию – небезопасное, а с точки зрения властей и прямо нежелательное предприятие [Салтыков XIV: 75–76, 72–73]. Поэтому путешественнику приходится искать некоторую «благонадежную» сторону в характеристике Швейцарии и швейцарцев. Герой Салтыкова выбирает люцернского льва в качестве своеобразного оправдания этой страны, чтобы обезопасить себя от провокаций Удава и Дыбы [Салтыков XIV: 72–73]: «Ваши превосходительства! – сказал я, – вы напрасно считаете Швейцарию месторождением исключительно превратных толкований. Есть, например, в Люцерне «Раненый Лев» – это, я вам доложу, такая штука, что хоть бы и нам с вами!

Я изложил <...> смысл и содержание памятника и <...> привел бесшабашных советников в восхищение» [Салтыков XIV: 73].

Очевидно, что поступок швейцарцев, защищавших монархию во Франции, должен был понравиться бесшабашным советникам в любом случае. Однако для бесшабашных советников наемники также реализуют модель идеального гражданина, который, как минимум, к отечеству безразличен, а в идеале не разделяет родину и начальство. В этом смысле следует понимать и шуточный перевод подписи к люцернскому льву. Слово «отечество» в этом переводе отсылает к проблематике, рассмотренной на примере дела Тейтча (отечество = государство), и образу бонапартиста как идеологически безупречного человека (отечество = начальство).

Таким образом, понимание позиции Салтыкова в вопросе о любви к отечеству и достаточно жесткой структуры отношения в его текстах середины 1870-х – начала 1880-х гг. понятий «государство» и «отечество» позволяет выделить в «За рубежом» не замеченную ранее сквозную проблему.

Литература

Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 11, 14.

Безобразов В. Война и революция // Русский вестник. 1974. Т. 109. № 1–2. С. 431–480.